

К.К. Фидарова

Провинциальное чиновничество России в конце XIX – начале XX в. (на примере Терской области)

Ключевые слова: служба, бюрократия, провинция.
Key words: service, bureaucracy, province.

Деятельность местных органов власти второй половины XIX – начале XX в. представляет несомненный интерес для исследования, так как позволит определить общие и особенные черты жизни российской провинции.

Российское провинциальное чиновничество – особая социальная страта, осуществлявшая связь между Центром и регионами. Чин – звание, в постепенной последовательности присваиваемое лицам, проходящим государственную службу, предоставляющее им определенные права и преимущества. Различают чины гражданские, военные, морские и придворные [1, с. 721].

Дореформенное чиновничество Терской области было представлено в основном выходцами из центральной России, по мнению исследователя истории становления бюрократического аппарата на Северном Кавказе З.М. Блиевой, они и стали основой слоя чиновничества Северного Кавказа, «русские фактически стали здесь социально-образующей нацией; с их появлением связано возникновение в крае новой социальной группы – чиновничества» [2, с. 4]. Дворяне перебирались из внутренних районов России, осваивали провинциальные центры, которые являлись торгово-промышленными или административными центрами, где «можно было занять места в административных органах, различных городских учреждениях» [3, с. 161].

Состав населения городов Терской области существенно отличался от других регионов высоким удельным весом дворянства в составе городского населения (примерно 8% от численности населения). Владикавказ, по словам современников, был «городом отставных военных и чиновников», это наложило отпечаток на состав населения в пореформенный период. Во Владикавказе дворянство составляло 10,8%, Пятигорске – 12,6%. Дворяне в городах Терской области – высший эшелон различных ведомств и учреждений, администрация различных учреждений и предприятий.

Чиновничество, военные чины всех рангов, высшее духовенство, сановники, составлявшие «непроизводственное население», в Терской области составляли 36,7% населения, во Владикавказе – 41,9%, что связано с большим количеством войскового элемента.

«Чиновник стал важнейшей фигурой в провинции, оттеснив на задний план сословную знать, кроме той, которая находилась на государственной службе» [4, с. 11].

Провинциальное чиновничество делилось на две неравнозначных группы: высшее и мелкое чиновничество. К первой группе относились губернаторы, советники, судьи, председатели казенных, судебных и гражданских палат. В основном это были выходцы из дворянства, в большинстве своем они долгое время служили в армии или Министерстве внутренних дел. Вторую группу составляли чиновники разночинного звания: духовного, дети отставных офицеров и др. С развитием российского бюрократического аппарата во второй половине XIX в. возможности карьерного роста увеличивались. Поэтому родители казачьих и мещанских сыновей «старались немедля определить их к местам службы, писцами в какую-нибудь канцелярию, с самым ничтожным жалованием, но с правами службы» [5, с. 35], т.е. с правами на получение ордена по выслуге лет и личного дворянства.

Основные источники информации о службе российского чиновничества XIX – начала XX в. – это формулярные (послужные) списки. Послужной список – это аттестат, личная анкета чиновника, содержащая данные о нем и его карьере по ряду тематических разделов. Формулярные списки сложились в XVIII в. и просуществовали до 1917 г. Послужной список гражданского чиновника второй половины XIX в. содержал следующие сведения: чин, имя, отчество, фамилия служащего, его должность, возраст, вероисповедание, знаки отличия, получаемое жалование, происхождение, имущественное положение, образование, время поступления на службу, хронология ее прохождения, награды, участие в походах и сражениях, взыскания по службе, время нахождения в отпусках и в отставке, семейное положение (жена, дети, даты их рождения).

Рассмотрим три формулярных списка гражданских служащих среднего звена: помощника пристава Владикавказского коллежского регистратора Е.Н. Хоружева, губернского секретаря А.И. Кошика и судебного следователя 1-го участка Пятигорского отделения коллежского асессора Е.Г. Кириченко [5, с. 13]. Все три чиновника примерно одних лет. К моменту заполнения формуляра (1915 г.) им было по 29–32 года. Это молодые люди, сделавшие неплохую карьеру в столь раннем возрасте.

Данные о происхождении есть во всех формулярных списках. Они указывают на сословную принадлежность чиновника («из казачьих детей Терской области», «из мещан»). Во всех трех случаях упоминается место рождения, т.е. населенный пункт, в родословную которого был внесен чиновник («ст. Черноморская», «ст. Пришибская», «Воронежская губерния»). Из формуляра следует, что все указанные чиновники были из небогатых слоев.

Это подтверждается данными графы «из какого звания происходит». В общем, как указывал П.А. Зайончковский, «формулярные списки правильно отражают наличие недвижимой собственности, но не всегда дают точное представление об имущественном положении данного чиновника» [6, с. 11]. В данную графу помещалась информация об имущественном положении чиновника: имение мужа (родовое, благоприобретенное) и имение жены (с тем же делением). Все три чиновника не имели недвижимости: ни собственной, ни приданого жены.

Графа об образовании представляет также большой интерес, так как позволяет определить культурный уровень провинциального чиновничества: «Грамотный и образованный разночинец вошел во все мельчайшие изгибы государственного механизма...» [5, с. 16]. В случае с Е. Хоруевым оказывается, что он «имеет свидетельство на право образования 2-го разряда», А. Кошик – «имеет свидетельство на право образования второго разряда, выданное Тифлиским пехотным юнкерским училищем», Е. Кириченко же закончил Демидовский юридический лицей со степенью кандидата права.

Графа о взысканиях часто пустует. Документ о службе являлся «лицом чиновника». «Все время я находился на службе, дослужился до чина действительного статского советника и формуляр имею не замаранный», – с гордостью писал один из работников Владикавказского кадетского корпуса.

Интерес представляет и графа о знаках отличия. Она является показателем внимания руководства к подчиненному. И Хоруев, и Кошик были награждены медалью в память 300-летия Дома Романовых (Кошик получил также орден св. Станислава 3-й степени), о Кириченко нет данных.

Графа прохождения службы отражает ступени карьерного роста чиновника. Судьба Хоруева сложилась несколько неудачно, так как начинал он службу казаком во 2-м Кизлярско-Гребенском полку, однако по состоянию здоровья был уволен, «признан неспособным к службе, но способным к труду», в 1912 г. назначен помощником пристава 3-й части Владикавказа. По Табели о рангах он имел 14-й ранг.

Сведения о семейном положении есть во всех послужных списках. В отношении жены указывалось, чья она дочь, а с 1905 г., хотя и не всегда, назывались даты ее рождения и вступления в брак. Для детей

указывались даты рождения: для сына – служебное положение и чин. Для дочери – замужество и принадлежность ко двору. С 1905 г. сообщается вероисповедание детей и то, с кем они проживают. Хоруев был женат на дочери урядника ст. Черноморской Людмиле Георгиевне, детей не имел. Кошик был женат на дочери казака Терской области Анне Карповне Чумаковой, имел двух сыновей – Михаила – 1903 г. рождения и Николая – 1910 г. рождения. Кириченко к моменту заполнения формуляра семьи не имел.

Немаловажным был вопрос о жаловании. Так как указанные чиновники были «средней руки», то и жалование, видимо, было невелико, семья жила достаточно скромно. Жалование Кошика составляло 1200 руб., Кириченко – 2900 руб. Менее обеспеченным оказался Хоруев, годовое жалование, которого состояло из 650 руб. Цены в Терской области были доступные, но все-таки такого оклада даже в этом случае было мало. Получая мизерные оклады, титулярные советники, коллежские регистраторы, губернские секретари жили как гоголевский Акакий Акакиевич: «снимали комнату на 3–4 этаже, сотнями бегали... по направлению к разным департаментам, и в четвертом пополудни... они возвращались домой из своих присутствий с портфелями под мышкой».

Владикавказ являлся столицей Терской области. По данным переписи 1897 г. в нем проживала примерно треть населения всех городов области. Это привело к тому, что в городе ощущался определенный дефицит жилья. По данным Терского календаря на 1906 г., на каждого жителя столицы приходилось в среднем 3 кв. м жилой площади, на одну комнату – в среднем по 1,9 жильца. Далеко не каждый мог обзавестись домом или квартирой. В газете «Терские ведомости» можно было встретить объявления о продаже двухэтажных домов по цене от 13 до 20 тыс. руб., каменных домов с участками – до 50 тыс. руб.

Чем престижней был район (центральная часть), тем выше стоимость жилья. Так, в центральной части Владикавказа (район Александровского проспекта и окрестных улиц) дом в 6–8 комнат стоил 1200 руб., ближе к окраинам, где дома были немудреные, без особых коммунальных благ, стоимость жилья обходилась в 300–600 руб. При этом надо помнить, что, например, Хоруеву было положено из получаемого на службе содержания 150 руб. на квартирные расходы, т.е. этот чиновник вынужден был сильно стеснять себя и семью в жилищных условиях. Кошику было положено несколько больше – 500 руб., он мог снять для семьи из 4-х человек дом из 3-х комнат на окраине. Кириченко проживал в Пятигорске, где жилищная проблема не была столь острой, да и получал 1000 руб. квартирных. Следовательно, не имея семьи, он мог жить относительно хорошо.

Непрестижные районы города, как правило, были лишены электричества, водопроводной воды и проч. Много денег уходило на приобретение керосина –

фунт его стоил 6 коп., стеариновых свечей – 26 коп., сажень дров стоила непопустительно дорого – 26 руб. Приходилось платить за пользование городской баней, содержать кухарку (3 руб. в месяц).

Прокормить семью на такое мизерное довольствие было невозможно, учитывая к тому же, что, например, 1 фунт хлеба первого сорта стоил 3 ½ коп., ржаного – 2 коп., фунт мяса – 9 коп, сахара – 15 коп. Приходилось отказывать себе во всем.

Так как финансовые возможности были ограничены, это сказывалось прежде всего на одежде. По описаниям современников, чиновники средние и мелкие вынуждены были ходить в по несколько лет в одном сюртуке, сапогах, «приходилось отказываться от перчаток, от фрака и даже хороших сапог» [7, с. 79].

Нщенское существование вызывало всякого рода девиации в среде чиновничества. Все три чиновника находились под следствием. Хорув был уличен в превышении должностных обязанностей. Кошик – в

мздоимстве, Кириченко обвинен в растрате казенных денег. Невысокая материальная обеспеченность и низкий общественный статус способствовали распространению среди чиновников взяточничества, которое в среднем и низшем чиновничестве расцветало пышным цветом. Современник отмечал: «Все и вся брали взятки. А кто мог и не брал, на того смотрели как на уroda. Вся разница состояла в том, что чиновничья мелюзга: судьи, стряпчие, исправники, секретари, цапалы и большие, многосотенные, а порой и тысячные куши, но довольствовались и маленькими – красненькими и синенькими... Ну, а губернатору подавай куши тысячные, а порой и многотысячные» [8, с. 56].

Таким образом, провинциальное чиновничество являлось зеркалом социальной жизни провинции XIX – начала XX в. В это время чиновничий аппарат активно пополнялся разночинцами. Старые сословные отношения заменялись новыми, порожденными буржуазными процессами.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М., 2004.
2. Блиева, З.М. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век : справочник / З.М. Блиева. – Владикавказ, 2003.
3. Куприянова, Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века / Л.В. Куприянова. – М., 1981.
4. Морякова, О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы / О.В. Морякова // Вестник МГУ. – Серия: История. – 1993. – №6.
5. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). – Ф. 280. – Оп. 1. – Д. 40, 48, 55.
6. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П.А. Зайончковский. – М., 1978.
7. Яковкина, Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века / Н.И. Яковкина. – СПб., 2002.
8. Постолюнский, Р.Ф. Мои воспоминания / Р.Ф. Постолюнский. – Киев, 1878.